

Спички детям не игрушка

На фестивале NET показали «Огнеликого» Оскараса Коршуноваса

Антон Красовский

Этот спектакль Коршуноваса надо смотреть дважды. Первый раз, нервно вдумываясь в трескотню сурдоперевода, застревающего в ухе. Второй, – забравшись на балкон и забыв о лингвистике. Тогда хочется запихнуть подальше всех розенталей и лотманов и слушать, слушать, слушать странную аскающую речь с ее вилкасами, вискасами и силонкасами. Зрачками, носовыми сосудами, перепонками поглощать вкусноту режиссуры, вязющую сладость таланта.

Вообще, когда сидишь на «Огнеликом», задумываешься, а надо ли воспринимать текст, задумываться о социальном пафосе подобной литературы, классифицировать автора. Или проще сжечь всю эту ахи-нею к чертовой матери: полить керосином, цирк спичкой и все – сиди и смотри. Никаких расстройств. Почему я так говорю? Да потому что пьеса, писанная хрупким мюнхенским драматургом Мариусом фон Майенбургом, никудышная. При чем это еще очень мягко сказано. Если уж быть совсем откровенным, – идиотская пьеска-то. Из тех, что не принято ставить в академических театрах и неммыслимо читать на досуге. И не оттого даже, что все происходящее в ней – пакость, а оттого, что всю эту дрянь невозможно никак объяснить. Ну смотрите.

У брата с сестрой начинается период полового созревания. В один прекрасный день в порыве сатанинского возбуждения они совокупляются где-то на детской кушетке, мажут бритвенной пеной, хохочут. Страшная тайна объединяет их, но внезапное появление в доме красавца-мотоциклиста нарушает сложившуюся гармонию. Юная прелестница влюблена, родители довольны, но истеричный Курт – тот самый брат – не может смириться с потерей. Он подговаривает сестру (уж как не знаю) поспорить с другом, запереться с

ним (Куртом) в комнате, а потом вступить в сговор с целью убийства родителей. Молоточками, кувалдочками маленькие злодеи казнят своих докучливых предков и начинают обживать воняющий трупамидом. Вдруг откуда ни возьмись снова появляется плечистый сестрин

убивает родителей. Мама с папой – не налогоплательщики, а олигофрены, словно только что из поликлиники: у них под носом собственные дети сожительствуют, а они... А знаете, я даже не могу сказать, что они делают. Диалоги невыразительны, а характеры немые – ничего не запоми-

принадлежишь ему, живешь ради него.

Поэтому, глядя на сцену, где среди разбросанной в беспорядке утвари трепещут герои пьесы фон Майенбурга, ты забываешь, что все они – мертвецы от рождения. Попав в руки режиссера, персонажи ожи-

Маленький мальчик достал огнемёт – больше в квартире никто не живет.

Фото Дмитрия Матвеева

халась и она – маленькая дрянь! – убегает с ним в неведомые дали. Курт в шоке, он разбит, его ожидает тюрьма и строгое общественное порицание. Он обливает бензином электрочайник, стиральную машину, кресло-кровать и несчастливо себя, зажигает спичку и – досидит до утра. Вот такая грустная и поучительная история.

Логика нет никакой. Ну, предположим, инцест – не самое уникальное извращение на свете. Прекрасно. Допустим, что и страшная подростковая злоба – не редкость. Отлично. Ревность, обида, вожделение – все это ожидаемо и объяснимо. Но почему такая неразбериха? Девочка то с братом, то с другом. Мальчик обижается на ухажера сестры, а

нается. Героев даже нельзя назвать отупевшими буржуа – их повадки потерялись в пустых фразах, а мысли – в задумчивых ремарках. Как это можно было поставить?

Коршуновас сделал это словно нарочно. Чтобы все убедились – он мастерит собственный мир, без постороннего участия. Не взрывая другой, чужой космос, не уничтожая заданную систему, но вклинившись в нее, заполняя собой ее всю. Слово вирус. Как зубная боль. Вот последнее, наверное, точнее. Оскарас Коршуновас – пуллит, заполучив который, ни за что не станешь думать о новых шарфиках или протухшей гречке в холодильнике. Всепоглощающее страдание живет в тебе, ты весь

ли, не переставая дышать и разговаривать смертью. Рассматривая их, – каждого отдельно и всех скопом, удивляешься, как точно продумано каждое движение, каждая физическая реакция. Вдумчивый постановщик – богатый на выдумки и очень откровенный в их воплощении – оживил неказистое мычание, выдаваемое за язык драматурга. Пустые фразы начали обретать смысл, а бессмысленные действия превратились в аффективные поступки сумасшедших. Так что Коршуновас, заявивший, что эта пьеса дала ему возможность продолжить поиски нового театрального языка, не кокетничает. Он его почти нашел, еще чуть-чуть и этот язык будут преподавать в институтах.